

Н.В. Бугаева

**ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ В «ИСТОРИИ ПИСТОИ»
ДЖАННОЦЦО МАНЕТТИ**

N.V. Bugaeva

**CONSPIRACY OF CATILINE IN “HISTORIA PISTORIENSIS”
OF GIANNOZZO MANNETTI**

Аннотация. В статье рассматривается освещение заговора Катилины в «Истории Пистойи» (*Historia Pistoriensis*) флорентийского гуманиста Джанноццо Манетти. Это сочинение, написанное предположительно в 1446–1447 гг. и благосклонно принятое властями Пистойи, представляет редкую возможность понять, на какой основе конструировалась самоидентификация жителей города, убежденных в своих римских корнях. «История Пистойи» до сих пор не переведена на русский язык, попытка углубленно проанализировать повествование Манетти о Катилине предпринимается впервые. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на сильную зависимость от своих главных источников — «О заговоре Катилины» Саллюстия, «Новой хроники» Дж. Виллани и «Истории флорентийского народа» Л. Бруни — гуманист вносит ряд существенных изменений в трактовку событий 63–62 гг. до н.э. Хотя попытка поднять восстание против Республики ни в коем случае им не оправдывается, образ Катилины сильно облагорожен; подчеркивается величие его души, грандиозность замысла, красноречие. В то время как у Виллани Луций Сергий — прежде всего отважный воин, Манетти выделяет столь ценное в эпоху Ренессанса качество, как владение словом. Согласно «Истории Пистойи», Катилина принадлежит к числу великих врагов Республики — выдающихся личностей, чьи таланты делают их обладателей особо опасными для Рима. Незначительно смещая акценты повествования, Манетти снимает с Фезул и Тосканы долю вины за участие в заговоре. Древняя земля этрусков изображается едва ли не жертвой обстоятельств. Рассказ гуманиста о «битве при Пистории», по сути,

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Bugaeva Natalia Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-965-209-06-78; cethegilla@gmail.com

Автор еще раз пользуется возможностью выразить благодарность Кристине Таддеи (музей «Древний епископский дворец», г. Пистойя) за дружескую помощь и столь необходимую поддержку.

повторяет Саллюстия. Вызывает интерес упоминание «надежных авторов» (*idoneos auctores*), сообщающих о потерях правительственных войск. Из греко-римских писателей только Саллюстий остановился на данном аспекте, к достоверным повествователям отнесен и Дж. Виллани. С учетом высокой оценки Манетти тосканской исторической традиции можно предположить, что он также имел в виду сочинения своих земляков — Брунетто Латини, Рикордано Малеспини, Маркьоне ди Коппо Стефани и др.

Ключевые слова: Пистоя, ренессансное историописание, итальянские гуманисты, Саллюстий, Леонардо Бруни, Джованни Виллани.

Abstract. The article deals with the coverage of the Catiline conspiracy in the “History of Pistoia” (*Historia Pistoriensis*) by the Florentine humanist Giannozzo Manetti. This work, written presumably in 1446–1447 and favorably received by the authorities of Pistoia, represents a rare opportunity to understand on what basis the self-identification of the inhabitants of the city, convinced of their Roman roots, was constructed. The “History of Pistoia” has not been translated into Russian, and an attempt at detailed analysis of Manetti’s story about Catiline has never been made before. The author of the article comes to the conclusion that, despite the strong indebtedness to his main sources — “On the Conspiracy of Catiline” by Sallust, “New Chronicle” by G. Villani and “History of the Florentine People” by L. Bruni, the humanist makes a number of significant changes in the interpretation of events of 63–62 BC. Although Manetti by no means justifies the attempt to raise a rebellion against the Republic, he greatly exalts the image of Catiline; he emphasizes the greatness of his soul, the grandeur of the idea, and eloquence. While Villani’s Lucius Sergius is above all a brave warrior, Manetti underlines the quality so valued in the Renaissance — his mastery of the word. According to the “History of Pistoia”, Catiline is one of the great enemies of the Republic, those outstanding personalities whose talents make their owners especially dangerous for Rome. Slightly shifting the emphasis of the narrative, Manetti relieves Faesulae and Tuscany of the blame for participating in the conspiracy. The ancient land of the Etruscans is depicted almost as a victim of circumstances. The humanist’s story of the “battle of Pistoria” is, in fact, a reiteration of Sallust. Of certain interest is the reference to “reliable authors” (*idoneos auctores*) who reported the losses of government troops. Of the Greco-Roman writers, only Sallust dwelled on this aspect. G. Villani was also classified as a reliable narrator. Taking into account Manetti’s high assessment of the Tuscan historical tradition, it can be assumed that he also had in mind the works of his countrymen — Brunetto Latini, Ricordano Malespini, Marchione di Coppo Stefani and others.

Keywords: Pistoia, Renaissance historiography, Italian humanists, Sallust, Leonardo Bruni, Giovanni Villani.

* * *

Заговор Катилины имел для итальянского города Пистоя особую значимость. Пребывавшая до сих пор в неизвестности древнеримская Пистория впервые привлекла внимание античных авто-

ров¹, будучи причастной к событиям первостепенной важности, выдвинувшись на авансцену истории². Согласно Саллюстию, Луций Сергий прошел форсированным маршем через Тоскану, направляясь к северо-восточным отрогам Апеннин (Sall. Cat. 57. 1; ср.: App. B.C. II. 7. 1). Существовало давнее убеждение, что город основали уцелевшие после битвы в аге Pistoriensis³ мятежники (Lib. fies. 10; Chr. 9; Ricord. Malesp. 20; Cronaca. 19a; Villani. I. 32; NP. I. 47; 55; 59; ср.: NP. I. 38; 43; 48–51)⁴. Тень павшего под Пистойей «злодея» легла на ее жителей, которых хронист Дж. Виллани охарактеризовал как «рожденных от крови Катилины (stratti del sangue di Catellina)» (Villani. I. 32). С этой личностью город ассоциировался прежде всего, к событиям 63–62 гг. до н.э. апеллировал политический дискурс XIII–XIV вв., именно в образе Катилины видели квинтэссенцию духа пистойцев.

Вопреки вековому соперничеству, флорентиец Джанноццо Манетти был весьма доброжелателен к населению покоренного тосканского центра, заслужив сравнение со слугой двух господ⁵. Известно о высокой оценке труда гуманиста со стороны пистойских властей⁶,

¹ Необходимо оговорить, что намек на Пистою, по-видимому, содержится у Плавта (II в. до н.э.). Так современная наука трактует игру слов в «Пленниках»: «Прежде всего нужны хлебники (primumdum opus est Pistoriensibus)» (Plaut. Capt. 160). Это место не сразу обратило на себя внимание; современники Манетти его не учитывали.

² Едва ли можно принять формулировку Н. Лапини, что в 62 г. до н.э. Пистоя совершила «скачок в великую историю» (*Lapini N. Pistoia in età Romana: dati acquisiti, nuove prospettive // In agro pistoriense: dalla preistoria all'età romana. VIII Congresso nazionale di archeologia. Pistoia, 2017. P. 90; ср.: Cini D. Osservazioni storiche sopra l'antico stato della montagna pistoiese con un discorso sopra l'origine di Pistoia del capitano Domenico Cini. Firenze, 1737. P. 175*), однако исследовательница права, утверждая: «...это, конечно, был момент наибольшей славы, достигнутой Pistoriae в республиканскую эпоху» (*Lapini N. Op. cit. P. 90*).

³ «Пистойское поле», т.е. принадлежащая городу земельная территория. В.О. Горенштейн перевел как «область Пистории» (*Саллюстий Крисп Г. О заговоре Катилины // Саллюстий Крисп Г. Сочинения / Пер., статья и комментарии В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1984. С. 36*).

⁴ См. также: *Dondori G. Della pietà di Pistoia in grazia della sua patria, scritta da fra Gioseppe Dondori ministro provinciale de' Cappuccini di Toscana. In Pistoia, 1666. P.151–152.*

⁵ *Baldassari S.U. Introduzione // Historia Pistoriensis / A cura di S.U. Baldassari, B. Aldi. Firenze, 2011. P. 21, 22; cfr.: 26.*

⁶ Архивы города сохранили распоряжение изготовить несколько копий «*Historia Pistoriensis*», а сам подаренный манускрипт поместить на хранение в собор (ASPT. Prov. 40, cc. 58 r-v. 31 luglio 1447 (изл. по: *Connell W.J. Appendice di documenti // Historia Pistoriensis. P. 236–237; cfr.: Arferuoi P. Historie delle cose più notabili seguite in Toscana, et altri luoghi, et in particolare in Pistoia. T. 2. 1650 (Archivio Capitolare di Pistoia, ms. PT AC, C. 50). P. 206, изл. по: Connell W.J. Appendice... P. 242*). Неизбежны аналогии с судьбой «Истории флорентийского народа» Л. Бруни, копия которой была помещена Синьорией в капеллу Палаццо Веккьо (*Hankins J. Notes on the composition and textual tradition of Leonardo Bruni's Historiarum Florentini populi libri XII // Classica et Beneventana: essays presented to Virginia Brown on the occasion of her 65th birthday / Ed. by T. Coulson and A.A. Grotans. Turnhout, 2008. P. 91*).

что представляет особый интерес, учитывая доминирование Флоренции в историописании⁷. Если богатая нарративная традиция родины Данте позволяет анализировать воззрения флорентийцев на свое место в окружающем мире, то ситуация с Пистойей совсем иная. Сочинение Манетти — редкая возможность приблизиться к пониманию того, на чем зиждилась самоидентификация пистойцев; благодаря ему можно узнать, какой взгляд на истоки, определившие судьбу и репутацию города, были готовы принять его жители.

Джанноццо Манетти (1396–1459) являлся одним из самых многогранных представителей Ренессанса⁸. К сожалению, до недавнего времени интерес ученых концентрировался прежде всего на его знаменитом трактате «О достоинстве и превосходстве человека». Исследователь творчества Манетти С.У. Балдассарри отмечает, что тот работал над неким сочинением, состоя в каждой из должностей во флорентийском контадо. Исполняя обязанности капитана в Пистойе, гуманист хотел приблизиться к таким эталонным личностям, как канцлеры Флорентийской республики К. Салутати и Л. Бруни, выдающиеся общественные деятели и блистательные мастера слова⁹. Правдоподобна гипотеза, что Манетти начал лелеять мысль о “*Historia Pistoriensis*” вскоре после приезда в город осенью 1446 г. Считать так побуждает документ, разрешающий новому капитану пользоваться капигулярной библиотекой¹⁰. Если брать за точку отсчета 25 октября 1446 г., автор трудился над «Историей» 7 месяцев¹¹. Этот срок следует уменьшить за счет времени, необходимого для изготовления копии, достойной адресатов; поэтому С.У. Балдассарри датирует готовность манускрипта самое позднее началом мая 1447 г.¹² В действительности же о пятимесячном сроке можно говорить с существенными оговорками: в этот период состоялась поездка гуманиста в качестве посла в Рим и, конечно, много времени отняла борьба с недругами, активизировавшимися после злополучного посольства пистойцев к флорентийским властям. Горожане просили о продлении полномочий Манетти, что шло в разрез с законами;

⁷ См., например: *Francesconi G.* Pistoia e Firenze in età comunale. I diversi destini di due città della Toscana interna // *La Pistoia comunale nel contesto toscano ed europeo (secoli XII–XIV)* / A cura di P. Gualtieri. Pistoia, 2008. P. 326–331.

⁸ Подробнее о нем см.: *Бузаева Н.В.* Древнейшая история Тосканы в “*Historia Pistoriensis*” Джанноццо Манетти // Цари. Жрецы. Магистры. Сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный 65-летию В.В. Деметьевой (*в печати*).

⁹ *Baldassari S.U.* Op. cit. P. 7.

¹⁰ Документ АСПТ, А/1, I, с. 10г опубликован в: *Connell W.J.* Appendice... P. 232.

¹¹ Документ АСПТ, Provv., 40, сс. 58г-в датирует вручение «Истории Пистойи» от имени Манетти 3 июля 1447 г. (*Connell W.J.* Appendice... P. 236–237).

¹² *Baldassari S.U.* Op. cit. P. 12.

враги увидели в этом свидетельство опасного для республики честолюбия гуманиста. В значительной степени рукопись “*Historia Pistoriensis*” — дань благодарности пистойцам за доброе отношение и попытка оправдаться перед флорентийцами.

«История Пистой» (“*Historia Pistoriensis*”) не переведена на русский язык; интересующая нас часть рассказа Манетти начинается следующим образом: «Итак, римляне подчинили этрусков, а затем долгие годы одерживали победы над многочисленными народами, покорив их и умиротворив в консульство М. Туллия Цицерона и Г. Антония уже почти всю землю (имеются в виду завоевания Помпея на Востоке. — *Н.Б.*) до того, как Цезарь захватил единоличную власть. Тогда начались междоусобные распри, и Л. Катилина, потомок знатного рода, муж великой силы духа, обладатель не меньшего красноречия, дерзнул ради грабежа составить заговор против республики вместе со многими пропащими людьми всаднического и сенаторского сословия, а также с некоторыми другими преступниками патрицианского происхождения. Он дерзнул составить заговор, возглавив столь многочисленных заговорщиков и располагая столькими силами, что, конечно, довел бы задуманное до конца, и случилась беда, если бы не противостояла его великим начинаниям исключительная и необыкновенная мудрость консула Цицерона» (НР. I. 25).

Повествование близко к драматической картине, живописуемой Отцом Отечества: могучее государство в зените славы и одновременно на краю бездны (Cic. Cat. II. 11; Cat. IV. 19; Pro Sulla. 33; ср.: Cat. III. 1). Однако есть важное отличие: Цицерон настаивает на внезапности бедствия, видя причину всех зол в Катилине¹³. У гуманиста прослеживается причинно-следственная связь (*ita invicem dissentire coeperunt, ut L. Catilina <...> coniurare audiret*), близкая взглядам Саллюстия, для которого Л. Сергий — порождение междоусобиц конца II — первой половины I в. до н.э. (Sall. Cat. 5. 2; 5. 6–8; ср.: 14. 1). В неявном виде у Манетти, усердного читателя “*De coniuratione Catilinae*” (о чем далее), содержится реминисценция к пассажу о порче нравов (*Ibid.* 10–13), хотя он не конкретизирует, какие распри терзали Рим. Единственная вежа — диктатура Цезаря, не приведшая к концу гражданских войн. Упоминанием божественного Юлия гуманист вписал деятельность Катилины в череду катаклизмов последнего века Республики; заговор изображен наивысшей точкой предшествовавших неурядиц. Намекает ли Манетти, что Л. Сергий являлся предтечей Цезаря? Утвердительный ответ был бы,

¹³ Эту точку зрения Цицерон хотел навязать слушателям в 63 г. до н.э. (Cic. Cat. I. 31; Cat. II. 7–8; ср.: Cat. III. 16–17; Cat. IV. 6; Pro Murena. 81).

на наш взгляд, натяжкой. Из НР. I. 25 не следует преимущество, поскольку Катилина — воплощенная деструкция; его цель — только грабеж (*diripiendi gratia*). Некоторая близость, впрочем, наблюдается, если сравнить итоги деятельности. Цезарь вышел за рамки республиканских установлений (*singulare arripere imperium*)¹⁴, а Катилина устроил «заговор против республики (*adversus rem publicam <...> coniurare audiret*)», вылившийся в вооруженное восстание. Активность Л. Сергия также несет угрозу существующему государственному строю. Примечательно, что глубоко уважаемый автором “*Historia Pistoriensis*” Л. Бруни специально оговаривал: «Подозрение затронуло Г. Цезаря, который был потом диктатором» (Bruni. *Hist. Flor.* I. 7). Для канцлера Флорентийской республики было важно назвать его в связи с заговором, ведь, согласно легендам, Цезарь являлся основателем города и участником подавления мятежа в Тоскане. Имя диктатора «активировало» пласт реминисценций и череду размышлений (пусть даже Бруни считал Флоренцию сулланской колонией (Ibid. 1; 3–6)).

Манетти почти не пишет о людях, основавших Пистою, первоначала которой воплощены для него в личности погибшего вождя¹⁵. О заговорщиках скупко сообщается, что они многочисленны, знатны, нравственно испорчены. Это сближает “*Historia Pistoriensis*” со стремлением Цицерона перевести коллизию в моральную плоскость: речи великого оратора избобилуют уничижительными характеристиками («пропащие и преступные люди» и т.д.) (e.g.: Cic. *Cat.* I. 5; 13; 23; 25; 27; 30; 32; *Cat.* II. 3; 7–8; 11–12; 14; 24–25; 28–29; *Cat.* III. 14; 17; *Cat.* IV. 5; 7–8; 15; 22–23), подчеркиванием дерзости Катилины и его последователей (e.g.: Cic. *Cat.* I. 1–2; 4–9; 13; 15; 16; 19–20; 22; 31; *Cat.* II. 1; 9–10; 13–14; 28; *Cat.* III. 17; 22; 27–28; *Cat.* IV. 16). Схожие эпитеты употребляет писатель-моралист Саллюстий (e.g.: Sall. *Cat.* 5. 1; 5. 4; 16. 3; 18. 4; 23. 2; 32. 2; 37. 3; 37. 8; 50. 2), однако он рисует более сложную обстановку¹⁶. Для Манетти события 63 г. до н.э. в значи-

¹⁴ У.Дж. Коннелл в комментарии к этому месту поясняет: «То есть подчинить себе республику — уточнение дорогое всем флорентийским гуманистам, сверстникам Манетти» (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 106, n. 41).

¹⁵ Напомним, что Флоренция была городом Флорина, не увидевшего ее строительства.

¹⁶ Манетти определяет негодяев как «многих пропавших людей всаднического и сенаторского сословия, а также <...> некоторых других преступников патрицианского происхождения» (НР. I. 25). Это близко к пассажу Саллюстия (Sall. *Cat.* 17. 3–6): «к нему (Катилине. — Н. Б.) собрались из сенаторского сословия — Публий Лентул Сура <...>, Квинт Курий; кроме того, из всаднического сословия — Марк Фульвий Нобилиор, <...>, Гай Корнелий и многие люди из колоний и муниципиев, знатные у себя на родине. Кроме того в заговоре участвовали, хоть и менее явно, многие знатные люди <...>. Впрочем, большинство юношей, особенно знатных, сочувствовали замыслам Катилины» (здесь и далее перевод «О заговоре Катилины»

тельной степени воплощены в персональном противостоянии. В случае с М. Туллим отмечаются мудрость¹⁷; подразумеваются любовь к отчизне, бесстрашие, проницательность, красноречие, ловкость в плетении политических интриг. На стороне Л. Сергия — знатность, великий дух, организаторские способности, опять же красноречие; это неординарная личность, выделяющаяся на фоне безликих соратников. Соблазнительно усмотреть здесь прием, которым пользуется Цицерон, сравнивая вождя с его никчемными последователями¹⁸.

Портрет Катилины у Манетти не совсем обычен, хотя почти дословно повторяет саллюстиеву характеристику¹⁹. Если римлянин говорит: «Луций Катилина, человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом (L. Catilina, nobili genere natus, fuit magna vi et anima et corporis, sed ingenio malo pravoque)» (Ibid. 5. 1), то флорентинец утверждает: «потомок знатного рода, муж великой силы духа (nobili genere natus, vir magni animi)» (HP. I. 25). Но Саллюстий продолжил: «Красноречия было достаточно, разумности мало (satis eloquentiae, sapientiae parum)»²⁰ (Sall. Cat. 5. 4), тогда как Манетти добавил: «обладатель не меньшего красноречия (nec minoris eloquentiae)», усиливая оратор-

В.О. Горенштейна). «Социологическая схема» римского историка более стройная и логичная. У Флора участники заговора охарактеризованы так: «Он сам патриций! Но этого мало! Курий, Порций, Сулла, Цетег, Автроний, Варгунтей, Лонгин — что за фамилии! Цвет сената!» (Flor. II. 12. 3) (здесь и далее перевод «Двух книг римских войн» А.И. Немировского). Бруни пишет, что Катилина «составил заговор, <...> в котором участвовали многие люди всаднического, многие сенаторского сословия, некоторые даже принадлежали к патрицианским родам» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Согласно Виллани, Катилина «вступил в заговор с другими нобилиями и злоумышленниками <...>. Многих участников заговора, <...> принадлежавших к цвету граждан, даже к сенаторскому сословию, Цицерон все же приказал арестовать» (Villani. I. 30) (здесь и далее перевод «Новой хроники» М.А. Юсима).

¹⁷ Мудрость — именно то, что отличает Цицерона от его противника; упоминутая дважды дерзость — авантюристический склад характера, готовность рисковать — противопоставляется благоразумию.

¹⁸ Уже во Второй Катилинарии доминирует мысль, что с уходом главы заговора из города опасность миновала (Cic. Cat. II. 1–2; ср.: 4–7; 16–17). Наше исследование будет неполным, если мы не коснемся вопроса о влиянии на Манетти главного информатора последующих поколений о событиях 63–62 гг. до н.э. «Линия Цицерона», на наш взгляд, прослеживается в том, что общее описание заговора дано в соответствии с официальной версией, восходящей к М. Туллию. Помимо уже отмеченного контраста величия Рима и угрожающей городу жалкой участи, важной составляющей является тезис об исключительности консула — спасителя Республики. При ускоренной работе над «Historia Pistoriensis» (Baldassari S.U. Op. cit. P. 7, 11) Манетти должен был воспроизводить эти сведения по памяти.

¹⁹ Данное обстоятельство подчеркнул У.Дж. Коннелл (Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 106, n. 42).

²⁰ Расхождение с Саллюстием было отмечено У.Дж. Коннеллом (Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia / Traduzione di S.U. Baldassari, commento storico di W.J. Connell. Alessandria, 2014. P. 27, n. 39; Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 106, n. 42).

ские способности Катилины и умалчивая о пороках²¹. Вольно или невольно противоборство приобрело оттенок состязания в красноречии между двумя ораторами — весьма одаренным и гениальным. Применительно к Л. Сергию Манетти дважды использует слово «великий»: когда пишет о силе духа и масштабах предпринятого (*magni animi <...> magnis eius conatibus*) (НР. I. 25). Таким образом, Катилина выступает в роли великого злодея, но не безумного негодяя (как в речах Цицерона (Cic. Cat. I. 8; 15; 22; 25; ср.: 11; Cat. IV. 22)). Не следует, однако, забывать, что именно Отец Отечества стоял у истоков так называемого «парадоксального портрета»²² своего врага, где пороки частично уравнивались достоинствами (Cic. Pro Caelio. 12–14; Pro Sestio. 8; 12). Как бы то ни было, при всей высокой оценке Катилины, подчеркивании его выдающихся качеств, неизменным остается главное: это опаснейший преступник, чья одаренность есть отягчающее обстоятельство.

Мы уже затронули проблему источниковой базы Манетти. Согласно автору исторического комментария к “*Historia Pistoriensis*” У.Дж. Коннеллу, §26–28 в основном повторяют §7–8 «Истории флорентийского народа» Бруни; повествование о заговоре расширено за счет сведений Цицерона и Саллюстия²³. По мнению С.У. Балдассарри, важнейшей характеристикой труда Манетти является постоянное балансирование между рационалистической концепцией Л. Бруни и средневековой традицией, нашедшей отражение, в частности, у Дж. Виллани. С сочинениями обоих «История Пистойи» находится в сложном взаимодействии, в противоречивом диалоге²⁴. Рассмотрим, насколько справедлива точка зрения итальянского исследователя в нашем случае. Непосредственный предшественник Манетти лаконичен в описании протагониста: «Луций Катилина, решивший устроить государственный переворот, составил великий заговор против республики» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Рассказ Виллани гораздо красочнее и подробнее: Катилина характеризуется как «один из знатнейших граждан <...>, происходивший из царского рода Тарквиниев, чело-

²¹ «С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он провел свою молодость. Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях» (Sall. Cat. V. 2–4). Ср. замечание У.Дж. Коннелла, что опускается заключительная часть пассажа, относящаяся к порокам Катилины (Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia. P. 27, n. 39) и наблюдение С.У. Балдассарри и У.Дж. Коннелла (Baldassarri S.U., Connell W.J. Introduzione // Ibid. P. 11, n. 24).

²² См.: La Penna A. Il ritratto ‘paradossale’ da Silla a Petronio // La Penna A. Aspetti del pensiero storico latino: con due scritti sulla scuola classica. Torino, 1983. P. 193–221.

²³ Connell W.J. [Commento storico] // Storia di Pistoia. P. 28, n. 42.

²⁴ Baldassarri S.U. Op. cit. P. 22; cfr.: 24, 29, 30.

век беспутной жизни, но смелый и отважный боец, прекрасный оратор, хотя и не очень благоразумный» (Villani. I. 30). Цицерон назван «мудрым консулом», который в силу «великого ума и красноречия» предпринял «благоразумные и дальновидные меры» (Ibid.).

В пассаже НР. I. 25 прослеживается сильное влияние Бруни с добавлением восходящей прежде всего к Саллюстию информации. Сходство с Виллани вторично и, на наш взгляд, объяснимо следованием за античной традицией. Обращает на себя внимание, что из достоинств Л. Сергия хронист поставил на первое место воинскую доблесть, тогда как для Манетти важнее ораторский дар. Но формула «прекрасный оратор, хотя и не очень благоразумный» (Villani. I. 30) сохраняет бóльшую связь с Саллюстием, чем модификация гуманиста²⁵ (хотя тот избежал ошибок касательно происхождения Цицерона и Катилины²⁶). Показательно, что из трех флорентийских историков лишь самый ранний и наиболее близкий к легендарной традиции (Виллани) дал развернутую мотивацию действий Катилины, изложив план его действий: «он вступил в заговор с другими нобилями и злоумышленниками, чтобы убить консулов и часть сенаторов, отменить их власть, поднять в городе бунт и беспорядки, поджечь его с четырех сторон и самому стать господином Рима» (Ibid.). Мы склонны объяснять это спецификой сочинений. Бруни считал, что в силу общеизвестности фактов можно ограничиться отсылкой к памяти: «Хотя данные события хорошо известны, я счел необходимым кратко о них напомнить, поскольку они имеют отношение к этой местности и к основанию этого города (Флоренции. — Н.Б.)» (Bruni. Hist. Flor. I. 8)²⁷. Манетти писал краткий обзорный труд, его внимание было сосредоточено на том, что имело непосредственное отношение к Пистое. Только для Виллани важно подробное описание событий 63–62 гг. до н.э., в частности, из-за участия в них Фьезоле и необходимости рассказать о древних расправах с соседом.

Обратимся к рассказу о втором этапе восстания, т.е. от ухода Катилины из столицы до решения увести своих людей в Галлию. “Historia Pistoriensis” констатирует: «Он ушел из Рима с такими замыслами и намерениями: сперва думал тайно занять Пренесте, что-

²⁵ Виллани следует здесь за средневековой традицией о «доблестном рыцаре» Катилине. Подробнее о трансформации восприятия Л. Сергия в Тоскане с XIII по XIV в. см.: *Osmond P.J.* Catiline in Florence and Fiesole: the Medieval and Renaissance after-life of a Roman conspirator // *International Journal of Classical Tradition*. 2000–2001. Vol. 7. P. 3–38; *Marcone A.* Catilina e la sua (s)fortuna in Toscana alla fine del Medioevo // *Le carte e i discepoli. Studi in onore di Claudio Griggio / A cura di F. di Brazzà, I. Caliaro, R. Norbedo, R. Rabboni e M. Venier.* Udine, 2016. P. 33–41.

²⁶ Виллани называет отца оратора уроженцем Кампании (Villani. I. 30).

²⁷ Напомним, что Бруни исходил из гипотезы, что Флоренцию основали солдаты Суллы, и она не была затронута восстанием.

бы — если преуспеет в своих стремлениях — обосноваться здесь для ведения войны. Потом, узнав, что этот город охраняется несколько тщательнее, чем он полагал, Катилина переменяет замысел, избрав вместо Пренесте Фезулы» (НР. I. 27). События излагаются неточно, ведь попытка захватить Пренесте²⁸ предвзято уводит из Рима (Cic. Cat. I. 18). В результате хронологического сбоя смещены важнейшие акценты: у античных авторов Фезулы — центр мятежа, костер, из которого разлетаются опасные искры (Sall. Cat. 24. 1; 27. 1; 27. 4; 28. 4; App. В.С. II. 2. 4; 3. 3–4; Dio Cass. XXXVII. 30. 4; 33. 2; 39. 2; ср.: Cic. Cat. I. 5; 7; 10; 24; 30; Cat. II. 14; 16; 20; Pro Murena. 49)²⁹; у Манетти — едва ли не жертва обстоятельств.

Подобная трактовка тем более нуждается в объяснении, если вспомнить, что флорентийская традиция в лице Бруни и Виллани следовала за Цицероном. Согласно хронисту, «выехав из Рима, Катилина с некоторыми сподвижниками отправился в Тоскану, где один из главных заговорщиков, Манлий, собрал под своим командованием войско в старинном городе Фезоле. Катилина, прибыв сюда, поднял восстание против власти римлян, призвал к себе всех мятежников и изгнанников из Рима и других провинций, народ отпетый и готовый к войне и разбою, и объявил римлянам войну» (Villani. I. 31). По версии Бруни, Л. Сергий «сперва задумал занять ночным нападением Пренесте, чтобы вести оттуда войну, но потом, узнав, что этот город охраняется тщательнее, чем обычно, переменяет замысел, избрав вместо Пренесте Фезоле» (Bruni. Hist. Flor. I. 7). Цитируемая фраза близка к НР. I. 27, отдельные формулировки дословно совпадают, но последовательность событий изложена канцлером Флорентийской республики правильно. Почему Манетти вступил в скрытую полемику со всеми, кто обладал для него авторитетом? Либо гуманиста подвела прославленная память, либо он хотел снять с Тосканы долю вины за участие в мятеже. Обратим внимание на эмоциональную составляющую повествования. Саллюстий не упоминает Пренесте, много пишет о Фезулах и центурионе Манлии (Sall. Cat. 24. 2; 27. 1; 27. 4; 29. 1; 30. 1; 30. 3; 32. 1; 32. 3; 36. 1–2; 56. 1–4), красочно описывает прибытие Катилины в Этрурию (Ibid. 36. 1). Аретинская область, родина Бруни, сделалась важным центром восстания (Ibid.). У Флора, чей труд известен Манетти (НР. I. 9), Катилина отправился «в Этрурию к войску, подготовленному Манлием» (Flor. II. 12. 8). Виллани

²⁸ 7 ноября Цицерон публично обвинил в этом Катилину (Cic. Cat. I. 8). С учетом специфики речей великого оратора можно предположить более сложную ситуацию.

²⁹ Ср.: «Искра этого, пусть и незначительного, движения вылетела из погребального костра Суллы» (Flor. II. 11. 1).

подчеркивает антагонизм фезуланцев по отношению к римлянам (и грядущей Флоренции). Текст Бруни настолько краток, что нелегко понять, хочет ли он обелить тосканские города в целом. Как бы то ни было, утверждается, что война принесена извне. Даже Фезулы выступают в качестве запасного варианта, и их роль в восстании не акцентирована³⁰.

В «Истории флорентийского народа» опасность существовала недолго, всё заканчивается хорошо: Катилина быстро уходит на север, мир воцаряется в долине Арно. И снова из трех историков ближе всех к подробному рассказу Саллюстия наиболее ранний. Осмелимся предложить объяснение: Виллани писал примерно тогда, когда Данте клеймил уроженцев соседнего Фьезоле (D. Inf. XV. 73), а в Тоскане существовало несколько центров политического притяжения. Хронист жил во время неустойчивого равновесия³¹, еще не изгладилась из памяти унаследованные от предков раздоры с Фьезоле и Пистойей³². Деятельность Бруни протекала в эпоху утверждения флорентийской гегемонии, когда решались масштабные задачи, и соперничество с давно покоренным соседом было малоактуально. Манетти, чей рассказ о Катилине предварялся вдохновенной элогией этрускам (НР. I. 1–23), мыслит категориями объединенной под главенством Флоренции Тосканы (хотя процесс отнюдь не был завершен).

Рассмотрим повествование “*Historia Pistoriensis*” о конце заговора. Согласно гуманисту, узнав о казни заговорщиков в Риме, Л. Сергий решил бежать в Галлию (Ibid. 28). Стилистически текст НР. I. 29 близок к краткому сообщению Бруни: «Катилина же, когда услышал об этом и ему показалось, что надежды рухнули и все старания теперь напрасны, сделал попытку бежать в Галлию» (Bruni. Hist. Flor. I. 8). Далее подводится итог: «Окруженный римской армией и вынужденный попытать военное счастье, он (Катилина. — Н.Б.) гибнет вместе со своими людьми в Пистойской области (*una cum suis in pistoriensi agro occiditur*)» (Ibid.). В §29–33 Манетти гораздо словоохотливее: он пишет, черпая сведения из “*De coniuratione Catilinae*”, о двух армиях-преследовательницах, о выборе Л. Сергием против-

³⁰ Бруни обращался к хорошо осведомленному читателю, знакомому с трудом Саллюстия и творчеством Цицерона; тем примечательнее, что сказана лишь часть правды.

³¹ Первые книги «Новой хроники» Виллани писал до 1333 г. (см.: Юсим М.А. Джованни Виллани — первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции. СПб., 2019. С. 523. Прим. 20). Такие важнейшие события, как завоевание Флоренцией Пизы и покупка Лукки, отпор вооруженной экспансии Милана в Центральную Италию произошли позднее.

³² Виллани писал о Катилине и Фьезоле в связи с основанием Флоренции. Требовалось поведать красочные подробности об исконном враге, чья злокозненность постоянно подчеркивается.

ника, о поведении Антония. Пожалуй, главное расхождение с Саллюстием заключается в трактовке роли консула. Коллега Цицерона изображен Манетти едва ли не героически: «Ведь Антоний, даже несмотря на то, что страдал от боли в ногах³³ и мучился подагрой, преследовал его (Катилину. — *Н.Б.*) <...> во главе большого войска с такой быстротой, что казалось, уже находится около лагеря; и Антоний не уклонился от сражения» (НР. I. 30). Это схоже с трактовкой событий Виллани, в рассказе которого, однако, достоверная информация сопрягается с грубыми ошибками³⁴. Согласно «Новой хронике», Антоний руководил походом наравне с Петреем; в его адрес не звучит никаких упреков (Villani. I. 31–32). Оправдана постановка вопроса о причинах игнорирования враждебной консулу традиции. Располагая речами «За Целия», «За Сестия» и Dio Cass. XXXVII. 39, современный исследователь готов принять слова Саллюстия: «В рядах противника Гай Антоний, страдавший болезнью ног, вверил войско своему легату Марку Петрею, так как сам не мог участвовать в сражении» (Sall. Cat. 59. 4) за скрытое осуждение. Но считал ли так читатель середины XV в.? Не забудем, что Манетти стремился к «монолитности» образа римлян — народа, предназначенного править миром (НР. I. 19; ср.: 25), а в начале рассказа четко очерчивает круг заговорщиков, не оставляя места предательству Антония (Ibid. 25)³⁵.

Решающее сражение характеризуется как «довольно долгий кровавый бой с переменным успехом» (НР. I. 32); «войска Катилины были разбиты, и он, потерпевший поражение, был убит вместе со своими людьми в Пистойском поле (in agro Pistoriensi occiditur)» (Ibid. 32)³⁶. Манетти считает нужным добавить: «Особо примечательно в том конфликте, что из всего войска Катилины ни в сражении, ни во время бегства не был взят в плен ни один свободорожденный гражданин. Что касается римского войска, то необходимо отметить почти то же самое; мы знаем, прочитав у Криспа, что оно одержало нерадостную и небескровную победу; ведь передает (Саллюстий. — *Н.Б.*), что всякий рьянейший либо погиб в сражении, либо покинул

³³ У.Дж. Коннелл указывает на заимствование Манетти этой детали у Саллюстия (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 107, n. 51; Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia*. P. 28, n. 43). Однако комментатор подчеркивает различие в трактовке роли Антония в конфликте.

³⁴ Виллани неверно передал имя Петрея, добавил подробность о письмах, переданных Антонием Метеллу Целеру, и с ошибками изложил действия последнего (Villani. I. 31–32). Рассказ хрониста не чужд сказочных мотивов (например, история с подкованными задом наперед конями) (Ibid. 32).

³⁵ Иначе непонятно, почему Манетти не указал на ненадежность Антония в НР. I. 25.

³⁶ Планируем специально обратиться к проблеме так называемого Campo Piceno (Пиценского поля) и оставляем этот сюжет для дальнейшего исследования.

поле боя тяжело раненым» (Ibid. 33). У.Дж. Коннелл справедливо указывает, что здесь и в НР. I. 52 Манетти почти дословно цитирует римского историка³⁷. Влияние Саллюстия также прослеживается во фразе: «очень многие из сражающихся были убиты, многие ранены, немногие <...> вернулись невредимыми, о чем читаем у надежных авторов (idoneos auctores)» (Ibid. 31)³⁸. Но почему использовано множественное число? Примем в качестве гипотезы, что «надежные авторы» не фигура речи, и рассмотрим прежде всего кандидатуры греко-римских писателей.

Цицерон был заинтересован в том, чтобы прославить раскрытие заговора в столице; в сохранившемся корпусе его трудов нет описания «битвы при Пистории». Рассказ о действиях Катилины в Этрурии и о последнем бое содержится у Веллея Патеркула, Флора, Аппиана, Диона Кассия. Веллей фиксирует героическую гибель Л. Сергия (Vell. II. 35. 5). В «Двух книгах римских войн» констатируется: «О том, каким кровопролитным было сражение, говорит его исход: никто из врагов не уцелел. Место, которое каждый занимал в бою, он покрывал своим трупом. Катилина же был найден далеко от своих, среди врагов <...>» (Flor. II. 12. 12). У Манетти речь именно о войске победителей (ср.: НР I. 33; 31), тогда как Флор о них молчит. Для Аппиана победа над мятежниками была весьма легкой: «Но второй консул, Антоний, настиг его (Катилину. — Н.Б.) у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки»³⁹ (App. В.С. II. 7. 1). Дион Кассий в освещении битвы близок к Саллюстию: «Итак, вступив в бой с ними, он (Антоний. — Н.Б.) не без кровопролития уничтожил Катилину и еще три тысячи человек, сражавшихся крайне мужественно: ведь никто из них не бежал, все пали на месте, так что сами победители сильно горевали о республике, ведь погубили, пусть даже заслуженно, столь многочисленных и столь отважных граждан и союзников» (Dio Cass. XXXVII. 40. 1). Но здесь ничего не пишется о потерях правительственных войск. Кроме того, если Манетти читал к 1447 г. «Римскую историю», отослал ли он Диона к надежным авторам?

Рассмотрев методику работы гуманиста с источниками, в частности с древнегреческим нарративом, мы пришли к заключению, что

³⁷ Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 108, n. 54; cfr.: P. 108, n. 55; P. 113, n. 73; Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia*. P. 29, n. 46).

³⁸ У.Дж. Коннелл отсылает к Sall. Cat. 60 (Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis*. P. 107, n. 52), не уделяя, однако, должного внимания словосочетанию «надежные авторы».

³⁹ Перевод С.И. Ковалева.

эллинистические писатели в «шкале предпочтений» Манетти занимают очень высокое место; он прибегает к их сведениям лишь в случае с двумя специфическими периодами истории этрусков⁴⁰. Потому, как бы ни решался вопрос о доступности “Ρωμαϊκή ἱστορία”⁴¹, едва ли примем кандидатуру Диона. Однако вспомним отношение Манетти к тосканской традиции: им выделяется ряд «недавних» авторов, чьи труды неоспоримо достоверны. В НР. I. 36 эти люди названы поименно: Данте, Петрарка, Бокаччо, Виллани, комментаторы «Комедии» Бенвенуто да Имола и Франческо да Бути. Но у Данте имеется лишь глухой намек на катилинарский сюжет (D. Inf. XXV. 10–16); Бокаччо и Петрарка молчат о чем-либо подобном⁴². Бенвенуто да Имола в комментарии к Inf. XXIV. 140–151 пишет о существовании близ Пистойи Пиценского поля, где был разбит Катилина; еще более краток Франческо да Бути⁴³. Виллани же рассказывает о решающем бое так: «Стесненный с двух сторон Катилина понял, что битвы не избежать, и решил попытаться военного счастья. Со своим отрядом он храбро ринулся в бой, и началась великая резня римлян, мятежников и фьезоланцев. В конце концов Катилина был разбит и пал на Пиценской равнине вместе со всеми своими людьми, а победа досталась римлянам, но такой дорогой ценой, что в живых, кроме самих консулов, насчитывалось десятка два всадников <...>. Кто хотел бы знать подробности этих событий, пусть прочитает книгу Саллюстия под названием “Катилинарий”» (Villani. I. 32). Флорентийские историки, как то Брунетто Латини (Tres. Br. I. 37; Tes. Br. I. 37), Рикордано Малеспини (Ricord. Malesp. XIII. 9–12), Маркьоне ди Коппо Стефани (Cronaca. 19a), а также анонимные «Фьезоланская книга» (Lib. fies. 7) и «Хроника о происхождении города» (Chr. 6)⁴⁴ приводят свои цифры, иногда фантастические и не основывающиеся на античной

⁴⁰ См.: Бугаева Н.В. Указ. соч.

⁴¹ «Римскую историю» Диона Кассия привез в Италию с Востока Дж. Ауриспа (первая треть XV в.). Исследователи творчества Манетти весьма сдержаны в своем мнении об использовании им греческих текстов до переезда в Рим (см.: Haan den A. The Greek library of Giannozzo Manetti (1396–1459): his collection and his Greek studies // Renaissance Studies. 2019. Vol. 33. P. 270–271]). Живя во Флоренции, гуманист собирал эллинистические рукописи, однако «влияние греческих источников на латинские сочинения Манетти не ясно» (Ibid. P. 275; cfr.: 278).

⁴² У Дж. Коннелл (Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 108, n. 56; cfr.: P. 111, n. 66) считает, что Манетти назвал Петрарку и Бокаччо вместе с Данте, «словно стремясь любой ценой сохранить целостность» канона. К подобному приему Манетти прибегнет также в НР. I. 48.

⁴³ Изл. по: Connell W.J. [Commento storico] // Historia Pistoriensis. P. 107–108, n. 53.

⁴⁴ В данном аспекте не столь существенен дубляж рассказа о «битве при Пистойе» у некоторых авторов.

традиции. Допустимо предположить, что Манетти имел в виду земляков-предшественников.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Благоклонно принятое пистойскими властями повествование Джанноццо Манетти о событиях 63–62 гг. до н.э. восходит прежде всего к Саллюстию, однако гуманист расходится с ним в ряде важных аспектов. Хотя попытка поднять восстание осуждается, а заговорщики изображены пропащими и преступными людьми, облик самого Катилины облагорожен. Главными его достоинствами названы знатность, величие духа, красноречие. Из отрицательных качеств указывается лишь на дерзость (*audacia*), побудившую ниспровергнуть Республику. Манетти не обращается к вариантам легенды о совместном основании Пистойи уцелевшими мятежниками и залечивающими раны солдатами Антония или только последними. Всё же городской совет выразил одобрение словами: «Прославленный муж Джанноццо ди Бернарди Манетти из Флоренции <...> приложил усилия к тому, чтобы выявить происхождение и древние начала города Пистойи (*dedit operam in reperiendo origines et principia antiquorum civitatis Pistorii*), написав историческое сочинение к чести и славе (*ad famam et gloriam*) этого города»⁴⁵.

Манетти впервые обосновал (в пределах возможностей ренессансной науки) римское происхождение Пистойи. Он использовал достоверные — с точки зрения современников — источники, применил логически стройную процедуру их анализа, т.е. заложил прочную основу для гордости римским происхождением и для апелляции к нему. «Отцы-основатели», как и Катилина, не были идеальными кандидатами на почетную роль, но проблема их сомнительного морального облика не принадлежала к числу неразрешимых. Ограничимся сейчас параллелями с близкой по времени попыткой Л. Бруни облагородить первостроителей Флоренции — сулланских ветеранов. Изъяны биографии отступали на задний план по сравнению с правом наследования великому Риму благодаря кровному родству.

Список сокращений

HP — *Historia Pistoriensis*

Lib. fies. — *Libro fiesolano*

Chr. — *Chronica de origine civitatis Florentiae*

Cronaca — *Marchionne di Coppo Stefani. Cronaca*

⁴⁵ ASPT. *Prov. 40*, cc. 58r-v. 31 luglio 1447 (цит. по: *Connell W.J. Appendice... P. 236*). Мы сочли возможным перевести по контексту “*fama*” (молва) и “*principia antiquorum civitatis Pistorii*” (происхождение древних жителей города Пистойя).

Список литературы

Юсим М.А. Джованни Виллани — первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции. СПб.: Наука, 2019. С. 516–533.

Baldassari S.U. Introduzione // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 1–46.

Baldassarri S.U., Connell W.J. Introduzione // *Storia di Pistoia* / Traduzione di S.U. Baldassarri, commento storico di W.J. Connell. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 1–13.

Cini D. Osservazioni storiche sopra l'antico stato della montagna pistoiese con un discorso sopra l'origine di Pistoia del capitano Domenico Cini. Firenze: Stamperia di S.A.R., 1737. 292 p.

Connell W.J. [Commento storico] // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 95–227.

Connell W.J. [Commento storico] // *Storia di Pistoia* / Traduzione di S.U. Baldassarri, commento storico di W.J. Connell. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 15–166.

Connell W.J. Appendice di documenti // *Historia Pistoriensis* / A cura di S.U. Baldassarri, B. Aldi. Firenze: Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011. P. 231–242.

Francesconi G. Pistoia e Firenze in età comunale. I diversi destini di due città della Toscana interna // *La Pistoia comunale nel contesto toscano ed europeo (secoli XII–XIV)* / A cura di P. Gualtieri. Pistoia: Società pistoiese di storia patria, 2008. P. 73–100.

Haan den A. The Greek library of Giannozzo Manetti (1396–1459): his collection and his Greek studies // *Renaissance Studies*. 2019. Vol. 33. P. 267–280.

Hankins J. Notes on the composition and textual tradition of Leonardo Bruni's *Historiarum Florentini populi libri XII* // *Classica et Beneventana: essays presented to Virginia Brown on the occasion of her 65th birthday* / Ed. by T. Coulson and A.A. Grotans. Turnhout: Brepols, 2008. P. 87–109.

La Penna A. Il ritratto 'paradossale' da Silla a Petronio // *La Penna A. Aspetti del pensiero storico latino: con due scritti sulla scuola classica*. Torino: Einaudi, 1983. P. 193–221.

Lapini N. Pistoia in età Romana: dati acquisiti, nuove prospettive // *In agro pistoriense: dalla preistoria all'età romana*. VIII Congresso nazionale di archeologia. Pistoia: IRSA, 2017. P. 85–99.

Marcone A. Catilina e la sua (s)fortuna in Toscana alla fine del Medioevo // *Le carte e i discepoli. Studi in onore di Claudio Griggio* / A cura di F. di Brazzà, I. Caliaro, R. Norbedo, R. Rabboni e M. Venier. Udine: Forum, 2016. P. 33–41.

Osmond P.J. Catiline in Florence and Fiesole: the Medieval and Renaissance after-life of a Roman conspirator // *International Journal of Classical Tradition*. 2000–2001. Vol. 7. P. 3–38.

Поступила в редакцию
24 апреля 2022 г.